

Дед Линь приходил в себя лишь на мгновение. Сознание его оставалось туманным, но губы беззвучно шевелились, повторяя одно: «Домой... хочу домой...» Врач, качая головой, тихо предупредил: старик, скорее всего, не выживет.

Как раз в этот момент вернулись Линь Юй и Шэнь Цзинцин. По их лицам Шэнь Цзиньхуа сразу понял, что всё прошло плохо. Он и сам слышал о нраве уездного начальника. Обращаться в управу пришлось лишь потому, что людей у Лю И Юня было слишком много, и остановить их без помощи властей было невозможно. Но теперь, когда справедливость осталась лишь на словах, в груди похолодело.

Шэнь Цзиньхуа мягко коснулся руки Линь Юя, пытаясь успокоить:

— Поехали домой. Дед просит отвезти его обратно.

Глаза Линь Юя мгновенно покраснели.

Шэнь Цзинцин молча помог устроить старика на спине у охотника. От внутренних покоев лечебницы до повозки было всего несколько шагов, но каждый из них казался непомерно тяжёлым.

Всю дорогу царил гнетущая тишина. Никто не проронил ни слова.

.....

Когда они въехали в деревню с тяжело раненым стариком на повозке, сразу почувствовали на себе колющие взгляды. Соседи, сбившись в кучки, перешёптывались за спинами.

Тётка Линь, окончательно сбросив маски, кричала во весь голос:

— Я же говорила! Ни один из них ничего хорошего не стоит! Этот Цин-гэр наверняка уже снюхался с охотником. «В своей семье и сор не выносят» кто этого не знает? Бесстыжие! Думали, мы не знаем, сколько стоят эти перцы, и тихой сапогой арендовали всю гору. Ещё чего задумали- одному небу известно.

Из толпы слышались неуверенные голоса в поддержку:

— И правда... Столько серебра на аренду земли да на лечебницу... Видимо, на перцах неплохо нажились.

— А деда-то, поди, за то и избивали, что подсовывал ресторану гнилые формы? Сам напросился!

— ...

Линь Юй резко остановил повозку, брови сошлись на переносице от глухой злости:

— Что вы мелете?!

Какой-то дальний родственник деда Линя, разожжённый дерзостью охотника, не испугался:

— А что, неправду говорим?! Старики бракуют товар, молодые захватывают общинные земли, а удачные дела прячут от своих же! За что вас ругать-то? И слова сказать нельзя?!

Казалось, эти люди видели лишь выгоду. Они не замечали, как в простой телеге лежит их же односельчанин, проживший с ними бок о бок десятки лет, сейчас израненный и едва дышащий. Тот самый «негодяй», о котором они судачили.

Шэнь Цзинцину до боли знакомы были эти сцены. В голосе его зазвенела сталь:

— Злое слово и в июне морозит. Дядюшки и тётушки, поберегите язык! Дед Линь - потерпевший. Не верите? так идите в управу, спросите у начальника, правильно ли он рассудил дело!

Разве могу уездный чиновник быть не правым? Эти люди верили лишь чиновничьим указам. Для них судья подобен небу. Приходилось давить именно этим.

— Э... раз судья сказал, значит, так и есть.

— Но... ваши тёмные делишки...

Шэнь Цзиньхуа тоже не выдержал:

— Эти перцы нашёл мой младший брат!

Шэнь Цзинцин остановил брата, не желая втягивать его в бессмысленную перебранку.

— Хотите перцы? Забирайте бесплатно. А теперь уйдите с дороги! — Шэнь Цзинцин холодно обвёл взглядом толпу. — Линь Юй, поехали.

Линь Юй дёрнул верёвку. Повозка скрипнула, медленно тронувшись с места. Люди либо трусили перед его решимостью, либо заманчивые слова о бесплатном перце заставили их расступить. Никто больше не преграждал путь и не издавал ни звука.

.....

Раны деда Линя были тяжёлыми. Шэнь Цзинцин и Шэнь Цзиньхуа решили остаться на ночь, чтобы вместе с Линь Юем ухаживать за стариком.

Шэнь Цзинцин вскипятил воду. Брат отлил немного в пиалу, чтобы остудить.

После целого дня мытарств никто не пил и не ел. Передав воду брату, Шэнь Цзинцин вернулся на кухню готовить скромный ужин.

Линь Юй смотрел, как братья суетятся по хозяйству, и не находил себе места. В голове была пустота, руки не знали, за что взяться. Он пошёл на кухню и сел подбрасывать дрова в печь.

После всего пережитого Шэнь Цзинцин планировал сварить лишь простую лапшу в бульоне, чтобы перебить голод. Дрова тут были ни к чему. Но выгонять Линь Юя он не стал. Понимал, что тому просто нужно было куда-то деться, чем-то занять руки и мысли.

Высокий, широкоплечий мужчина, сгорбившись на низком табурете, казался невероятно одиноким и уязвимым.

Шэнь Цзинцин не нашёл слов для утешения и лишь легко коснулся его твёрдого плеча.

Он замесил тесто из пшеничной муки, вымесил, растягивал и бросал на стол, превращая в тонкие полосы лапши. Вскипятил воду, добавил приправы, опустил лапшу. Сварив, разложил её по трём мискам с прозрачным золотистым бульоном и щедро посыпал зелёным луком. По кухне поплыл тот самый, согревающий душу аромат горячей похлёбки.

В миски себе и брату он осторожно вбил по одному яйцу, чтобы оно сварилось прямо в бульоне, а Линь Юю добавил целых два.

Линь Юй посмотрел на два круглых, слегка подрагивающих в бульоне яйца, и словно обжёгся душой. В груди зашевелилась странная, щемящая смесь боли и тёплой благодарности.

Заметив его изменившееся выражение, Шэнь Цзинцин понял, что тому немного полегчало. Пусть всего лишь от миски простой лапши с двумя яйцами.

Больше ничего не говоря, он вынес две миски брату и себе. Линь Юй последовал за ним, бережно прижимая к груди свою.

Они молча доели ужин.

.....

Под самую полночь дед Линь снова пришёл в себя, но разум его оставался в тумане.

В комнате царил крошечная тьма. Лишь фитиль в глиняной плошке на столе трепетал, отбрасывая дрожащие тени. Шэнь Цзиньхуа и Линь Юй, выбившись из сил, крепко спали. Шэнь Цзинцин заметил движение старика, но будить их не стал.

Вода, отлитая днём, давно остыла. Шэнь Цзинцин налил полпиалы из полуостывшего чайника и добавил столько же воды из духовного источника.

Осторожно, по капле, он вливал смесь в рот старику.

Дед был стар, а удары были сильны. Внутренние органы наверняка были повреждены.

Ещё когда кипятил воду, Шэнь Цзинцин добавил туда половину из источника. Полностью использовать её он побоялся: слишком быстрое исцеление вызовет подозрения, да и резкий скачок энергии мог лишь добить ослабленный организм.

Но сейчас выбирать не приходилось. Оставалось лишь надеяться на чудо.

По лбу Шэнь Цзинцина катился пот, но он не смел расслабиться. Старик уже не мог пить. Приходилось смачивать ватный тампон и бережно проводить им по пересохшим губам, надеясь, что хоть капля влаги впитается.

Дед Линь лежал на кровати, словно высохшее старое дерево. Линь Юй, спавший тяжёлым сном за столом, вдруг вздрогнул, словно почуяв неладное. Его ресницы дрогнули. Пламя осветило половину его сурового лица. В тот момент, когда Шэнь Цзинцин обернулся, он увидел, как по прямой переносице охотника скатилась одинокая слеза.

.....

На рассвете Линь Юй резко вскочил. Он бросился к кровати, желая проверить состояние деда, но в спешке зацепил полу халата за круглый стул. Тот с противным скрипом поехал по полу. Добравшись до постели, Линь Юй вдруг замер, не смея взглянуть.

Шэнь Цзинцин проснулся от шума. Поднял глаза на мирно спящего старика:

— Дыхание ровное. Кажется, ночь прошла спокойно.

Услышав это, Линь Юй словно лишился всех костей. Он тяжело осел на пол у кровати, и лишь

теперь почувствовал влагу на щеках.

Слёз на лице не было видно.

— Взрослый мужчина, а распустил нюни? — тихо улыбнулся Шэнь Цзинцин.

— М-м... — Шэнь Цзиньхуа тоже открыл глаза. Ночью братья уступили больному боковую лежанку, а сами устроились как пришлось: один на столе, другой на единственном старинном кресле.

Шэнь Цзиньхуа, всё это время дремавший в массивном кресле, проснулся от ломоты во всём теле. Услышав слова брата, он сразу же поднялся и подошёл к постели старика.

Лицо деда Линя заметно порозовело. Хоть он и не приходил в себя, дыхание стало ровным, а с лица сошла гримаса боли.

Шэнь Цзиньхуа не смог сдержать радости.

— Пойду за врачом. — Коротко сказал он. Поправляя волосы.

— Брат, я с тобой! — тут же отозвался Шэнь Цзинцин.

Рефлексы сработали раньше разума. Линь Юй крепко сжал запястье Шэнь Цзинцина .

— Остайся. — Попросил он, не отрывая от него взгляда.

Взгляды обоих братьев одновременно обратились к охотнику. Почувствовав повисшее напряжение, Шэнь Цзинцин смягчился:

— Ладно, я останусь. Присмотрю за дедом.

Шэнь Цзиньхуа перевёл взгляд с одного на другого:

— Что ж, пожалуй, так будет лучше. Цзинцин, остайся, нечего лишний раз мотаться.

— Брат, найди сначала старого лекаря из «Синлинь Гуань», а потом приведи ещё одного опытного врача из уезда.

Вчера ситуация была критической, да и дед, очнувшись, настоял на возвращении домой. Тогда было не до уездных лекарей. Но теперь, когда ему стало лучше, не мешает мнение ещё

одного специалиста. Так будет спокойнее.

Шэнь Цзиньхуа помолчал, затем невнятно пробормотал «да», приняв это звание.

— Спасибо, брат.

Шэнь Цзиньхуа поспешно вышел. В комнате воцарилась неловкая тишина.

Шэнь Цзинцин слегка прикусил губу.

— В такие моменты люди инстинктивно ищут поддержки. Я понимаю. — попытался успокоить он.

Он совсем ничего не понимает, — с досадой подумал Линь Юй.

Не успел Шэнь Цзиньхуа уйти, как на пороге появился староста с подарками.

Он заявил, что пришёл проведать больного, но Шэнь Цзинцин прекрасно понимал, что половина его «заботы» была вызвана вчерашним заявлением о бесплатной передаче прав на перец.

Шэнь Цзинцин наблюдал, как тот ставит на стол свёрток с пирожными в масляной бумаге. Лицо старосты выражало неловкое желание задобрить:

— Это я в городе купил. Говорят, формы для них вырезал сам дед Линь.

— Староста очень внимателен, — кивнул Шэнь Цзинцин.

Он знал истинные мотивы гостя, отчего о в голосе всё же прорезалась холодная нотка.

— Раз так, буду говорить прямо. Да, мы арендовали Заднюю гору, но исключительно для личных нужд. Мы и не думали монополизировать выгодное дело.

Эти слова поставили старосту в щекотливое положение. Он не был бессовестным наглецом. Перец нашёл Шэнь Цзинцин, он же наладил сбыт, он же и платил за аренду. Это его личное дело. О каком «захвате» могло идти речь?

Конечно, когда староста узнал, что парень сорвал куш на перце и насытил спрос городской аптеки, он был не в восторге. Ведь если остальные тоже начнут продавать, цены неизбежно рухнут. А когда Шэнь Цзинцин выложил крупную сумму за аренду горы, староста и вовсе заподозрил его в чёрных намерениях. В итоге он рассудил здраво: в гору всё равно никто не

пойдёт, да и денег таких ни у кого нет. Он отдал землю без лишних препон, но в душе-то всё равно считал парня мелочным махинатором. Кто бы мог подумать, что в итоге именно он сам окажется в роли того самого подлого человека.

Староста нервно вытер пот со лба:

— Цин-гэр, что ты такое говоришь? Конечно, я тебе верю. Твоё желание помочь деревне...

Шэнь Цзинцин прервал его:

— Перец растёт сам по себе, и я буду только рад, если у односельчан появится дополнительный доход. Я уже договорился с управляющим «Фулайлоу» о долгосрочном сотрудничестве. Могу попросить их принимать урожай и от других жителей деревни. Сбыт будет обеспечен. Но землю я арендовал за свои деньги. Неужели я не вправе выдвинуть пару условий?

Староста и не подозревал о связях с рестораном. Пот с него потёк ещё обильнее:

— Конечно, конечно. Говори, Цин-гэр.

— Я лично отхожу от дел с перцем. Обучу всему госпожу Шэнь и дядюшку Линя. Для остальных жителей деревни условия не будут лучше, чем для них. И на Заднюю гору я с Линь Юем больше никого водить не будем.

Шэнь Цзинцин специально подчеркнул передачу дел, показывая, что сам он в стороне. В будущем всё преимущество будет на стороне госпожи Шэнь и её компании.

В деревне лишь они двое осмеливались ходить в гору. Староста взглянул на охотника, который молча сидел в стороне, полностью соглашаясь с каждым словом парня, и понял, что иного выхода нет.

— И ещё. Вчерашние слова дядюшек и тётушек были слишком резки. Осадок остался у всех. Я, Шэнь Цзинцин, человек не без обиды. Землю я снял на свои деньги, и не желаю, чтобы те, кто поливал нас грязью, к ней прикасались. Староста, вы меня понимаете?

Взгляд Шэнь Цзинцина встретился с потускневшими глазами гостя. Староста был в курсе всех деревенских новостей: и кто был вчера, и что именно говорили. Жаль только, что их вчерашняя напористость ради призрачной выгоды с перцем оказалась напрасной. Все расчёты рухнули. Но раз люди готовы были ради чужой выгоды забыть о здоровье старого соседа и обвинять Шэнь Цзинцина, значит, души у них чёрные. Староста не стал их покрывать и кивнул.

Видя, что гость вот-вот провалится сквозь землю от стыда, Линь Юй решил, что разговор окончен, и вежливо указал на дверь:

— Староста, мы не привыкли ходить вокруг да около. Раз всё выяснили, то будем считать вопрос закрытым.

Он сделал паузу, давая время осознать сказанное. Староста поспешно закивал.

Линь Юй кивнул в ответ:

— Мой отец ещё болен, поэтому задерживать вас на обед не стану.

От этих слов старосте стало вдвойне не по себе. Прошёл всего день, как отец охотника слег, а он уже явился с деловыми предложениями. Чем он лучше тех вчерашних сплетников?

Вскоре после ухода старосты к дому потянулись и другие жители. Кто с узелками, кто с пустыми руками — все хотели выведать насчёт перца. Но стоило старосте разнести по деревне полученные условия, как любопытствующие постепенно отстали. Линь Юй и Шэнь Цзинцин смотрели на это с тяжёлым сердцем.

К счастью, вскоре вернулся Шэнь Цзиньхуа, приведя с собой двух врачей.

Шэнь Цзинцин даже не успел приготовить обед.

Врачи по очереди измерили пульс деда Линя и сошлись во мнении, что раны хоть и тяжёлые, но наметилась явная тенденция к выздоровлению.

Так прошло три дня.

Дед Линь наконец пришёл в полное сознание, и камень упал с души у Линь Юя.

Придя в себя, старик с удовольствием разглядывал пирожные, принесённые старостой, и не мог налюбоваться:

— Смотрите, какая красота! Это же мои формы работали.

Разве могли формы, вырезанные его руками, иметь хоть малейший брак?

Но, несмотря на выздоровление деда Линя, свадебные хлопоты Шэнь Цзинцина и Линь Юя пришлось отложить.

<http://bllate.org/book/17180/1639284>